

Предисловие

В монографии обсуждаются проблемы, касающиеся *сравнительных оценок*, называемых обычно *предпочтениями*. Такие оценки выражаются чаще всего с помощью слов «лучше» («предпочитается»), «равноценно», «хуже» («менее предпочтительно»).

Хотя понятие предпочтения является одним из центральных в человеческой жизни, в отечественной философии и логике данное понятие пока не анализировалось. Не рассматривалась связь предпочтений с человеческой деятельностью, с теми неизбежными выбором и риском, с которыми всегда связана такая деятельность. Не исследовалась связь предпочтений с рациональностью человеческого мышления и человеческого выбора. Немногим лучше обстоит дело в зарубежной литературе.

В первых двух главах книги дается общая характеристика человеческих предпочтений и анализируются имевшие место попытки описать логику рассуждений о предпочтениях. Особое внимание уделяется активно обсуждавшемуся, но до сих пор вызывающему споры принципу транзитивности (переходности) предпочтений: «если А лучше В и В лучше С, то А лучше С», а также связи этого принципа с понятием рационального выбора.

Автор исходит из идеи, что существуют разные типы предпочтений, при этом некоторые из них являются транзитивными, другие же – не транзитивны. Это означает, что имеется несколько типов рационального выбора и что устойчивое мнение, будто рациональный выбор – это выбор, всегда дающий лучшую из имеющихся альтернатив, не может быть распространено на все виды предпочтений человека и тех выборов, которые осуществляются им на основе предпочтений.

В третьей главе анализируется проблема особенностей предпочтений в научном исследовании как частном виде человеческой деятельности.

Настоящая работа является развитием тех идей о предпочтениях и оценках вообще, которые высказывались автором в книгах «Grundlagen der Logik von Wertungen» (Berlin, 1975) и «Аксиология» (М., 2006).

ГЛАВА 1

ПРЕДПОЧТЕНИЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

1. Знание в узком смысле и знание в широком смысле

Человек – это, прежде всего, практическое, действующее существо, и в основе его деятельности лежит знание. Животное действует на основе врожденных и благоприобретенных инстинктов. Человек в своей деятельности опирается в первую очередь не на инстинкты, а на знания. Не случайно еще древние греки определяли человека как разумное животное. Разум, способный порождать знание, является той чертой, которая отличает человека от всех иных животных.

На заре нового времени Ф.Бэкон заявил: «Знание – это сила». В ту эпоху, когда человек во многом еще полагался на милость бога, такое заявление звучало смело. Оно, в сущности, означало, что человеку не нужно терпеливо ждать рая на небесах, а следует активно выстраивать свою жизнь, рассчитывая только на свои силы, и в особенности на прогресс в познании природы и общества.

В XX в. с особой очевидностью обнаружилось, что человек, способный познать многое, приобретает знание и о том, что он способен обратить – а иногда и обращает – против самого себя. Бурное развитие промышленности, опирающееся на познание природы, ведет к расточительному использованию не возобновляемых природных ресурсов, к грозящему катастрофой общему потеплению климата на Земле, к бурному росту населения, чреватому перенаселением планеты и т. д. Познавая мир, человек изобрел и то, относительно чего хотелось бы, быть может, чтобы оно навсегда осталось неизвестным: ядерное, химическое и бактериологическое оружие, национал-социалистические и коммунистиче-

ские социальные теории, приведшие к гибели десятки миллионов людей, и т. д. Можно повторить вслед за Бэконом, что знание – действительно могучая сила. Однако, наученные опытом двух мировых войн, жестоких тоталитарных режимов и безуспешных пока попыток решения глобальных проблем человечества, мы должны добавить, что знание – не только огромная, но и опасная сила. Настолько опасная, что она способна – при неблагоразумном ее использовании – привести человеческую цивилизацию к гибели.

Это касается не только знания о том, что *есть*, но и в первую очередь знания о том, что *должно быть* или чему *лучше быть*, т. е. знания об абсолютных и сравнительных ценностях.

Знание является связующей нитью между человеческим духом, природой и практической деятельностью. В самом общем смысле знать – значит иметь ясное, обоснованное представление не только о том, что есть, но и о том, что должно быть.

Долгое время считалось, что знать можно только истину. Но уже в XIX в., когда стало очевидным, что человек – активное существо, не способное жить вне практической деятельности по преобразованию мира, к знанию были отнесены также ценности. Они говорят не о том, что есть, а о том, что должно быть. Знать можно не только истину, но и добро, и прекрасное, которые не сводимы к истине.

Известно, например, что человек должен быть честным. Но это не истина, а именно утверждение о долженствовании. Люди не всегда честны, но это не мешает утверждать, что от человека требуется честность. И чем больше нечестных людей появляется в обществе, тем с большей настойчивостью должно звучать требование честности.

Наши представления о том, что следует заботиться о близких, что нельзя задаваться и представлять себя центром вселенной и т. п. – все это знание, хотя касается оно не того, что есть, а того, что должно быть. Нужно, таким образом, различать *знание в узком смысле*, всегда являющееся знанием истины, и *знание в широком смысле*, охватывающее не только истину, но и добро, и прекрасное, и ценности любого вида.

Человек не только познает мир, но и действует на основе полученного знания. Это означает, что знание в широком смысле включает не одни лишь представления о том, что имеет место, но и планы на будущее, оценки, нормы, обещания, предостережения, идеалы, образцы и т. п. У человека есть достаточно ясные, обоснованные

представления о добре и его противоположности – зле. Но добро – не разновидность истины, как считалось когда-то. Утверждения о хорошем и плохом, достойном и недостойном не являются истинными или ложными. Истина не меняется со временем, добро же является разным в разные эпохи и в разных обществах.

Если, например, современный бизнес стремится опираться на принцип «Честность – лучшая политика», то в условиях зарождавшегося капитализма ориентация была совершенно иной, и мошенничавшие торговцы благодушно оправдывались: «Не обманешь – не продашь». Когда Вольтер сказал: «Хитрость – ум дураков», над ним едва ли не смеялись. И только спустя два века стало ясно, что в принципе он был прав: в современном индустриальном обществе только ограниченный человек делает хитрость основой своего поведения и своей деятельности.

Кроме должного, явно не являющегося истиной, существуют также эстетическое измерение мира, когда-то отождествлявшееся с красотой, или прекрасным. Эстетическое – это ценность, и оно ближе к добру, чем к истине. Истина одна и та же во все времена и для всех людей, эстетически совершенное является разным в разные эпохи и у разных народов.

Когда-то о портрете Джоконды Леонардо да Винчи говорили, что это такая живопись, какой она и должна быть. Но во второй половине прошлого века это говорили уже о картине американского художника-модерниста Мориса Дюшана, пририсовавшего Джоконде совершенно бессмысленные, казалось бы, усики.

Эстетически совершенное – не частный случай истины. Вместе с тем оно не является и добром. Быть эстетически совершенным – значит вызывать незаинтересованное, неутилитарное удовольствие. Но если нет заинтересованности и что-то созерцается вне всякой пользы, то, соответственно, нет и добра.

2. Аксиологические категории

Оценочные понятия, именуемые также *аксиологическими категориями* (от греч. *axiós* – ценный, *logos* – понятие, учение), или *оценочными модальностями*, – это понятия, используемые для характеристики абсолютной или сравнительной ценности объекта.

Аксиологический статус отдельного объекта обычно выражается абсолютными аксиологическими понятиями «хорошо», «плохо» и «(оценочно) безразлично», используемыми в оценочном высказывании. Относительный аксиологический статус выражается сравнительными аксиологическими понятиями «лучше», «хуже» и «равноценно».

Например: «Хорошо, что пошел дождь», «Плохо, что существуют болезни», «Дождливая погода лучше сухой», «Лживый человек хуже честного человека» и т. п.

Вместо слов «хорошо» и «плохо» нередко используются слова «позитивно ценно», «является добром», «негативно ценно», «есть зло» и т. п. Вместо «лучше» часто используется «предпочитается».

Аксиологические категории являются необходимыми структурными компонентами оценочных высказываний. Логическое исследование данных понятий осуществляется логикой оценок.

По своим логическим свойствам аксиологические понятия аналогичны модальным понятиям других групп: логическим («необходимо», «возможно», «невозможно»), эпистемическим («убежден», «сомневается», «отвергает»), деонтическим («обязательно», «разрешено», «запрещено») и т. п.

Понятия «хорошо» и «плохо» взаимно определимы: объект является позитивно ценным, когда его отсутствие негативно ценно. Безразличное определяется как не являющееся ни хорошим, ни плохим.

Понятия «лучше» и «хуже» также взаимно определимы: первое лучше второго, когда второе хуже первого. Равноценное определяется как не являющееся ни лучшим, ни худшим.

Различие между абсолютным и сравнительным оцениванием является принципиальным. В случае первого ценность (позитивная, негативная или нейтральная) приписывается отдельному объекту и выступает как его свойство: «А является хорошим (плохим, безразличным)». При сравнительном оценивании ценность оказывается уже отношением между объектами: «А лучше (хуже, равноценно) В». Иными словами, абсолютное оценивание дает в результате абсолютную оценку какого-то объекта, взятого само по себе; сравнительное оценивание устанавливает сравнительную оценку, связывающую между собой два объекта.

Если мы говорим, к примеру, что розы – хорошие цветы, мы однозначно приписываем розам позитивную ценность. Но если утверждается, что розы лучше гладиолусов, это не означает, что

розы считаются хорошими: и розы, и гладиолусы могут оцениваться нами негативно, и вместе с тем мы можем отдавать предпочтение розам. И ложь, и воровство являются предосудительными, негативно ценными. Но можно сказать, что лгать все-таки лучше, чем воровать, хотя и то, и другое плохо.

Из оценки «А лучше В» не вытекает ни то, что А является хорошим, ни то, что В плохое. Аналогичным образом из сравнительного обоснования «Лучше принять А, а не В» не следует, что А обоснованно, а В – нет. Утверждение А может быть малообоснованным и маловероятным, но при этом возможно, что утверждение В еще менее обоснованно и правдоподобно, и раз вопрос стоит о выборе между ними, лучше все-таки принять А, а не В.

В условиях, когда абсолютная оценка недостижима, сравнительная оценка представляет собой существенный шаг в преддверии выбора и обычно следующего за ним действия.

Сравнительные оценки не сводимы к абсолютным, и наоборот. «Лучше» не определимо через «хорошо»: лучше одна другой могут быть и две хорошие, и две плохие вещи. «Хорошо» не определимо в общем случае через «лучше». Установление абсолютной ценности какого-то предмета и установление его сравнительной ценности – это два разных, взаимодополняющих видения одного и того же объекта, не редуцируемых друг к другу¹.

Вопрос о соотношении абсолютного и сравнительного оценивания остается пока почти неисследованным. Однако очевидно, что сравнительное оценивание не сводимо к абсолютному. Если удалось показать, что один предмет более приемлем, чем другой, этот результат невозможно выразить в терминах изолированной приемлемости одного или обоих объектов.

Менее ясен ответ на вопрос: можно ли абсолютное оценивание свести к сравнительному.

Иногда «хорошо» так определяется через «лучше»: нечто является хорошим, когда его наличие лучше, чем его отсутствие. Например: «Хорошо иметь синий цвет, если и только если быть синим лучше, чем не быть синим». Однако это и подобные ему определения носят только частичный характер. Они не позволяют, в частности, получить «логику добра» в качестве следствия логики предпочтений («логики лучше»).

Можно предположить, что в некоторых случаях абсолютное обоснование допускает определение через сравнительное обоснование по следующей схеме (символ «= Df» означает равенство по определению):

Хорошо $A = Df$ A лучше, чем не- A ,

то есть объект A является позитивно ценным только в том случае, если наличие этого объекта лучше, чем его отсутствие.

К примеру, плохо, что в недрах Луны нет нефти, если и только если отсутствие нефти в недрах Луны хуже, чем наличие в них нефти.

Используя понятие *принятия*, непосредственно связанное с понятием *выбора*, указанное определение можно передать также так:

Должно быть принято A , в силу $C = Df$ Лучшие принять A , чем не- A , в силу C .

Можно отметить, что рассматриваемое определение абсолютного оценивания через сравнительное, если и применимо, то довольно редко. В самом деле, из того, что в настоящее время более обосновано отсутствие нефти на Луне, чем наличие, вряд ли вытекает, что обоснованно, будто в недрах Луны определено нет нефти. Из того, что лучше принять, что Роберт Пири был первым на Северном полюсе, чем принять, что он не был там первым, вряд ли с необходимостью следует, что нужно без всяких колебаний и возражений принять, что именно Пири был первым на Северном полюсе.

Естественно допустить, таким образом, что абсолютное и сравнительное оценивание в общем случае не могут быть сведены друг к другу. Они представляют собой два разных, в широких пределах независимых друг от друга способа оценивания. Из двух хороших вещей одна может быть лучше другой; из того, что одна вещь предпочитается другой, не вытекает, что первая является хорошей, а вторая плохой.

Существуют, таким образом, две независимые системы аксиологических координат, используя которые человек выносит свои оценки.

Система абсолютных оценочных понятий стоит ближе к человеческому действию, чем система сравнительных оценочных понятий. Характерно, что нормативные понятия «обязательно», «разрешено» и «запрещено», непосредственно связанные с человеческой деятельностью, определены в терминах абсолютных, но не сравнительных оценочных понятий. Возможность такого

рода определений указывает на то, что нормативные (деонтические) понятия являются частным случаем абсолютных аксиологических понятий².

3. Структура абсолютных и сравнительных оценок

Вопрос о структуре оценок является предметом острых споров, входив в детали которых здесь нет смысла.

Далее будет проводиться различие между следующими четырьмя «компонентами» или «частями», оценки: *субъектом, предметом, характером и основанием*. Можно предположить, что эти «части» являются структурой, характерной для всех (выраженных в языке) оценок, и что, соответственно, всякое полное выражение оценки позволяет определять, какова каждая из четырех указанных ее частей.

Под *субъектом (субъектами)* некоторой оценки понимается лицо (или группа лиц), приписывающее ценность некоторому предмету путем выражения данной оценки.

Принято считать, что оценка всегда является чьей-то оценкой. Нет, например, домов, пригодных или хороших вообще, а есть только пригодные для кого-то, подходящие кому-то, одному человеку или многим, или может быть даже всем, или почти всем людям, которые их оценивают.

В символизме логики оценок обычно не указываются субъекты оценок. Это не означает, конечно, что исследуются «бессубъектные» оценки, ибо субъекты всегда неявно подразумеваются, и причем таким образом, что на протяжении всего рассуждения (формулы, вывода) фигурирует один и тот же оценивающий субъект.

Необходимость отнесения каждой оценки к субъекту или, как иногда еще называют эту операцию, релятивизации оценки, не должна рассматриваться как довод в пользу идеи относительности оценок или релятивизма в оценивании. Обычная формулировка релятивизма говорит, что являющееся хорошим для одного может не быть хорошим для другого, и поэтому следует всегда указывать, для кого именно нечто хорошо, т. е. релятивизировать оценку путем указания лица, высказывающего её. В более точной интерпретации концепция релятивности оценок гласит: суждение субъекта

А, согласно которому нечто является хорошим, и суждение субъекта В, согласно которому это же является плохим, могут быть одновременно обоснованными. Очевидно, что попытка поддержать идею относительности оценок с помощью указанного аргумента аналогична намерению показать относительность истины и лжи в их традиционном понимании с помощью заявления, что каждое утверждение является чьим-то утверждением.

Под *предметами* оценок понимаются те объекты, которым приписываются ценности, или объекты, ценности которых сопоставляются. Иными словами, предмет оценки – это оцениваемый предмет или та пара предметов, ценности которых соотносятся. Это не является, конечно, определением, а всего лишь попытка пояснить, что именно имеется в виду.

Полезно воспользоваться в этой ситуации примерами. Предметом оценки «Нож хорош» является нож, предмет оценки «Удовольствие есть добро» – удовольствие, предметы оценки «Здоровье лучше болезни» – здоровье и болезнь, предметы оценки «Лучше ехать поездом, чем автобусом» – способы достижения некоторого пункта и т. д.

Сложнее обстоит дело с вопросом о предмете моральных оценок. Неясно, прежде всего, являются ли все моральные оценки, как это утверждали некоторые философы морали, оценками вещей одного и того же вида или одной и той же категории. Являются ли эти оценки оценками только действий, или оценками исключительно решений, или же единственно оценками намерений? Или, быть может, в одном случае приписывается моральное добро или зло действиям, в другом – намерениям, в третьем – характерам? Если верно, что все моральные оценки относятся к вещам одного в того же вида, то вещи какого именно вида выступают в качестве собственных предметов морального одобрения или порицания?

На роль предмета моральной оценки претендовали у разных авторов действия, мотивы, намерения, решения, чувства, характеры и, наконец, люди, переживающие определенные акты воли и совершающие определенные действия.

Остается несомненным, тем не менее, что каждая оценка имеет определенный предмет, хотя иногда его сложно установить.

Четвертым компонентом оценки является ее *основание*, т. е. то, с точки зрения чего производятся оценивание.

Например, основанием оценки «Сочувствие является добром, так как оно способствует равенству людей» является убеждение субъекта, выражающего эту оценку, в том, что сочувствие способствует равенству. Основанием оценки «Это хороший генерал, так как он никогда не отступал» является уверенность субъекта оценки в том, что никогда не отступавший генерал обладает как раз тем свойством, которое делает генералов хорошими. В случае оценки «Один человек лучше другого, потому что первый выше ростом» основанием является суждение о превосходстве в росте.

Этот перечень примеров можно было бы продолжать. Но уже в настоящем виде он достаточно ясно показывает, что под основанием оценки понимается та позиция или те доводы, которые склоняют субъектов к одобрению, порицанию или выражению безразличия в связи с разными вещами. Он показывает, с другой стороны, неопределенность такого разъяснения понятия основания оценки.

Мы проводим различие между предметом оценки и тем объектом, которого она касается грамматически, но который, тем не менее, не является ее предметом, различие между собственным, или действительным, предметом оценки и кажущимся ее предметом. Сходное различие может быть проведено и в случае оснований оценок.

Основанием оценки сочувствия как добра было названо убеждение субъекта этой оценки в том, что сочувствие способствует равенству. Но можно, однако, утверждать, что приведенная формулировка не является полной и что более адекватным выражением этой же оценки была бы такая формулировка: «Сочувствие является добром, потому что оно способствует равенству, а равенство есть добро». Основанием в этом случае оказалось бы не просто убеждение в том, что сочувствие способствует равенству, а более сложное убеждение, включающее и оценку равенства как добра. Различие этих оснований существенно. Первое из них является фактическим суждением, второе представляет собой соединение фактического суждения с оценкой.

Сходным образом можно расширить и основание третьей из приведенных в качестве примера оценок: «Один человек лучше другого, потому что первый выше второго, а более высокий человек способен достичь больших успехов в баскетболе, являющихся объектом нашего интереса (добротом)».